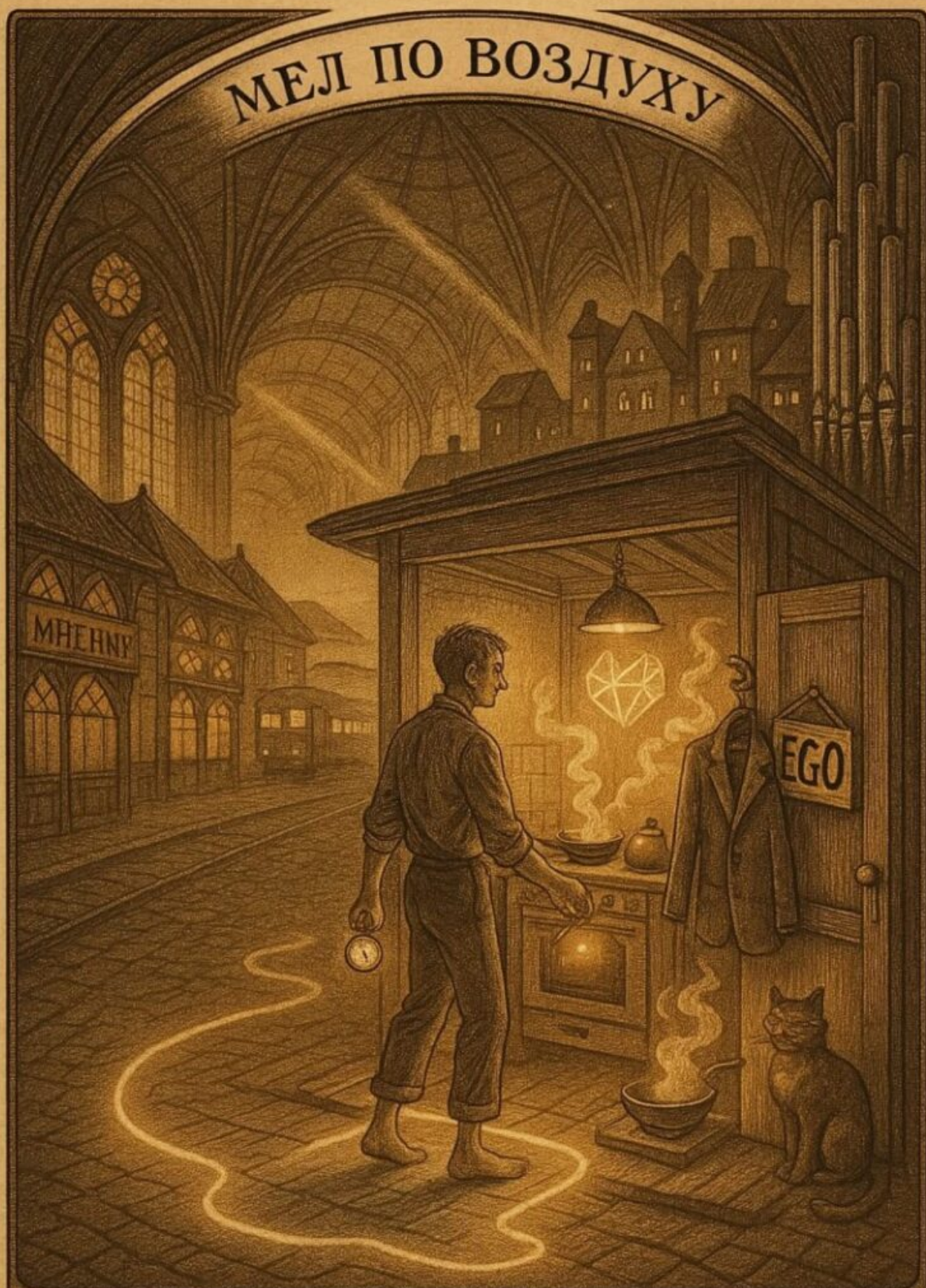

Мел по воздуху

МЕЛ ПО ВОЗДУХУ

ТВАРДОВСКИ

Я давно заметил: злость — это не дракон, а пожарная сигнализация. Она орёт, потому что дым пошёл из моей кухни — я опять поставил на плиту чужое мнение и убежал читать комментарии. Где-то внутри тихо включается странная настройка: “их взгляд на меня важнее, чем мой на себя”. И вот уже костюм эго, с начальственным плечиками и блестящими пуговицами, обиженно топает ножкой: “срочно защищать фасад!” А я беру этот костюм, аккуратно вешаю на крючок у входа, как мокрый плащ после дождя. И знаете что? Становится тепло. Без плаща не холодно — оказывается, я не из погоды сшит.

Мне часто говорят: “каждый имеет право на своё мнение”. Я киваю, но добавляю шёпотом, чтобы даже комары услышали: право на мнение не отменяет обязанность к границам. Без границ чужое “мне видится” переодевается в “так и есть”, а ведь объективности в природе столько же, сколько тени у лампочки — каждый угол рисует свою. Я ставлю мелом тонкую линию: здесь моя кухня реальности. Внутри — мои приправы, мой вкус, моя ответственность. Снаружи — рынок, где у каждого прилавка свой запах и своя цена. Это не контроль, это география. Контроль — это турникет с пищанием “бип-бип”, а бытие — это небо над всем вокзалом. С неба турникеты видны как сопки на стекле автобуса: они есть, но не про главное.

Когда меня “выводят”, я слушаю, не что сказали, а чем это резануло. На слух это как фальшивая нота, когда оркестр мира вдруг колет в ухо кларнетом: у меня внутри стоит старый эквалайзер, где ползунок “одобрение” завален вправо. Я пальцами, на ощупь, с закрытыми глазами, выравниваю: чуть меньше высоких частот чужих ожиданий, чуть больше баса собственной опоры. В руках это ощущается как наждачная бумага, которой снимаешь лак “будь удобным”. Снимаешь — и дерево живёт, дышит, трещинки становятся узором, а не браком.

Границы: штука не про стены, а про прозрачность. Я часто поясняю: “я сейчас говорю из своего сада”, и это как табличка “перец — острое”. Кто-то пробует — одному сладко, другому — жжёт. Я не спорю со вкусными рецепторами, не делаю церковь из

ложки. Просто ставлю миску ближе к солнцу. Если прилетает пчела из соседнего улья и пытается построить здесь свой порядок – я улыбаюсь, показываю, где мои цветы, а где – забор. Никаких ружей. Смысл границы – не стрелять, а освещать. Свет – лучшая охрана: он показывает, где я заканчиваюсь, и где начинается ты. Свет мягкий, но не уступчивый; как утро в монастыре – колокол зовёт всех одинаково, а никто никого не тащит за рукав.

“Контролируй своё эго” – звучит так, будто я пытаюсь дрессировать мою кошечку, чтобы та приносила мне тапки в зубах. Я пробовал. Кошка умеет мурлыкать, но пахнет молоком и требует погладить. Мне больше нравится парковка: я подъезжаю к входу в день, сдаю эго в руки парковщика и получаю номерок. Костюм остаётся в багажнике, ключи у охраны, а я иду внутрь босиком. Сначала страшно, без брони как же? Но через пару шагов, как в храме, где все звуки становятся тише просто потому, что купол высокий. И ничего терять: не-че-го. Когда ничего не держишь, пальцы вдруг слышат ветер. Он шепчет: “ну и кто ты без вывесок?” Отвечаю не словами, а дыханием: “эсмь”.

На бытовом уровне это смешно просто. В очереди в супермаркете женщина сзади шепчет подзатыльником: “молодёжь нынче медленная и тупая”. Эго уже тянет шпагу – защищать честь кассы номер три. Я кладу шпагу обратно в корзинку между хлебом и апельсинами, чувствую гладкую корку цитруса, и говорю себе: это её погода. Моя – в тот момент пахнет ванилей и свободным вечером. В транспорте сосед сообщает экспертное мнение о моей обуви, видимо, он бог туфель. Я благодарю мысленно, за бесплатную диагностику мирских богов, и переставляю ногу, чтобы удобней. Границы – это когда можно уступить место человеку, но не уступить ему своё самоощущение. И никакой внутренней драки не требуется: я выше не по статусу, а по траектории. Контроль держит руль белыми костяшками пальцев, а бытие разрешает дороге самой раскрыться, а я просто не перепутываю педали.

Иногда злость всё же приходит, как соседский кот – через

балкон, бесшумно, и начинает ронять с полки мои коллекционные “правда-правды”. Я не гоняю его тапком. Я беру его на руки. На ощупь он тёплый, вибрирует, пахнет пылью с батареи. Слышу урчание, и понимаю: это не нападение, это просьба: “погладь страх”. Я глажу. Страх перестаёт быть привидением и превращается в малыша, который устал носить шлем. И тогда смешно: я-то думал, что шлем защищает меня, а он просто не давал волосам расти. Снимаю. Воздух прохладный, мысли становятся как звёзды – видно дальше, но не ослепляет.

Есть ещё один парадокс, который мне нравится трогать языком, как дырявый зуб. Когда я утверждаю “объективности нет”, я тоже высказываю мнение, которое легко принять за новую объективность. Поэтому я добавляю приправу: это мой способ варить суп. У тебя – другой огонь, другая кастрюля, другой набор трав. Главное – не бить ложками. В религиозных домах это давно знают: один молчит, другой поёт, третий бьёт поклоны, и у каждого – свой маршрут к одному и тому же тёплому месту за грудиной. Я не меряю линейкой чужую молитву. Я узнаю своё дыхание. Оно как метроном: тик – я, так – мир, тик – граница, так – связь. И где-то между этими тиками смешно и светло, потому что абсурд прыгает на одной ножке и пытается объяснить серьёзность, а серьёзность подыгрывает ему на маленьком бубне.

Если прислушаться, это слышится как далёкий орган, на картинке это похоже на тонкую трещину в льду, а на коже – как лёгкий щелчок статического электричества, когда пальцы встречают металл двери. Именно в этот момент я вспоминаю: моё “я”, не против твоего “ты”, а за него. Просто не в твоём кармане. И тогда даже спор в интернете превращается в чайную церемонию: каждый пьёт своё, но пар один, и ладони над ним одинаково прогреваются. А дальше всё само показывает, с какой стороны дует ветер и насколько крепко стоят таблички из мела...

Я однажды заметил: когда пытаешься доказать, что ты не арбуз, мир начинает стучать по тебе костяшками, вдруг семечки выпадут и оправдают чужое сомнение. Но если я не подыгрываю суду присяжных в собственной голове, кожа становится не мишенью, а

мембраной барабана: звук проходит, а дыр не остаётся. В ухе низкий баритон тишины, в глазах чувствую, что солнце соскользнуло на соседний балкон, и становится ясно: мне не нужно перекрикивать сирены города, достаточно услышать, как внутри крутится старый карманный компас. Он не указывает на севера других, он указывает на мою тропу между клумбами мнений. Ступаешь, и мягко пружинит земля, как гимнастический мат: падай, поднимайся, инструкции на стене нет, тренер смотрит изнутри и кивает.

Социальное — как шумный рынок по субботам: каждый торгует смыслом, у каждого свой акцент, у каждого своя правда с пучком зелени сверху. Если я забываю про свои границы, я ухожу с рынка нагруженный чужими корзинами и ощущением, что кто-то не добавил мне лимон. Но как только ставлю плечевой ремень на своё плечо, сразу слышу тонкий щелчок — как магнит на сумке срабатывает: вот моя ноша, вот путь. Пальцами чувствую фактуру ремня: шероховатый, честный. Можно подержать для другого его ведро — это забота; нельзя навсегда стать его ручкой — это путаница ролей. И это не контроль над другим, а согласие с воздухом: каждая грудная клетка расширяется по своему размеру, каждому вдоху своё место под рубашкой.

Иногда меня зовут в драку вывесками: “докажи, что ты нормальный”. Я улыбаюсь и уточняю: какой стандартизатор выдаёт сертификаты “нормальности” и где их печатают? На той же фабрике, где делают линейки для измерения молитв? Внутренний смешной клоун надевает цилиндр и предлагает сделать вид, что мы на аттракционе “самоопределение без рук”: нужно пройти дистанцию, не ухватившись за чужую спину. Абсурдно? Да, как чайник, который свистит до того, как вода закипит. Но в этом свисте есть правда: я слышу тревогу раньше, чем подскочит крышка. Эго любит драму в трёх актах и хэппи-энд перед занавесом. Бытие любит репетиции без зрителей. Там, где контроль срывает голос, бытие просто регулирует освещение.

Религиозный зал во мне большой, как вокзал: кто-то зажигает свечу понимания, кто-то пишет записку привычки, кто-то делает

круги вокруг собственных сомнений. Я не мешаю очереди. Я сам то в алтаре разума, то на скамеечке сердца. И если священник морали во мне начинает стучать посохом: “надо быть таким-то!”, я тихо беру его под локоть, завожу за кулисы и шепчу: давай без грима. Там, в полутьме, видно, что “надо” – это всего лишь пережёванное “хочу, но страшно”. Страху – чай с мятой, горлу – тёплый шарф, эго – парковочный талон без скидки, самоощущению – плед из честности. И вот уже музыка не воет со словами. На слух – как если орган и флейта нашли общий лад.

На кухне обычного дня это простое ремесло. Я варю суп из вечера, прислушиваюсь, как лук шепчет на сковороде; солю не по советам соседей, а по памяти собственного языка. Если кто-то заходит и заявляет, что мои рецепты несовместимы с моралью всего человечества, я предлагаю лжицы две: попробуй и скажи, где именно несолено в твоём рту. Может, мы говорим о твоём нёбе, а не о моём супе. Визуально это похоже на картинку: две тарелки, один пар, разная история языка. Кинестетически – нащупываешь ложку, она тёплая, тяжёлая ровно настолько, насколько ты готов нести свой вкус.

А злость... её больше не приходится подавлять, как непослушную кнопку лифта. Я нажимаю – она приезжает на нужный этаж, открывает двери, и там коридор с табличками: “обида”, “стыд”, “страх”, “усталость”. Мы идём вдоль, читаем. Иногда нужно просто присесть на ступеньку и снять камушек из ботинка. Камушек – это ожидание, которое я не заметил, как подхватил. Снимаю, пальцами перекаत्याю, слышу тихий стук: он просится обратно к камням, на берег. Выбрасываю, а ступня вдруг чувствует гладкую прохладу плитки – и я понимаю, что половина моих битв – против несуществующих войск, нарисованных на тумане утренних мыслей.

Объективности нет, но есть добросовестность. Это когда я честно указываю источник своего прогноза погоды: “сегодня дождь субъективности с прояснениями смысла к вечеру”. Люди тогда перестают драться зонтами. Мы просто идём под одним небом и, если гроыхнёт, знаем: это не кара, это атмосферная

рубрика “жизнь продолжается”. И тут случается неприлично простое: я больше не хочу быть правым, я хочу быть живым. Правота – это жёсткая турникетная планка, которая бьёт в пояс, если прёшь без билета, а живость – мягкая шторка в дверях старой лавки: толкнул и вошёл, и ничто не располосовало тебе живот.

А теперь то, ради чего мы всё это вытапывали в себе тропинки. Любовь. Не та, что с глянцевых слёзных обложек, не та, что рыдает трёхаккордным баяном под фонарём судьбы. Любовь – как многогранник, который не режет, если его не хватать судорожно. Повернул – одна грань: внимательная, как медсестра к пульсу смысла. Повернул – другая: строгая, как учительница геометрии, что требует доказательства не для наказания, а для ясности. Ещё поворот – тихая, монастырская, которая умеет сидеть рядом и молчать, пока у тебя шторм. Она не спасатель в плаще, она берег, который не сыпется, даже если волны высокие. Она не раздаёт грамоты “лучший человек месяца”, ей вообще нечего доказывать, даже себе. И потому она умеет смирение. Не унижение, именно смирение, то самое мягкое согласие с тем, что в мире много языков, и все они могут говорить об одном без переводчика.

Любовь, которой я верю, не выкупает эго из ломбардов аплодисментов. Она просто снимает с него колечки и говорит: полежи, устал. Она не требует, чтобы мир перестал иметь мнения. Она ставит чайник и приглашает мнения сесть, но не на моё место. В слух – это звучит как ровный гул доброго трансформатора в подвале дома: электричество есть, свет горит, и никто не знает, где именно стоит коробка, но всем тепло. В глазах – как витраж: разные кусочки стекла, один свет. В теле – как дыхание, которое не надо заставлять: оно само приходит, если ты перестаёшь ему мешать.

Мораль смешно проста и без блёсток:

Выход – любовь.

Но не картонная из комикса и не сахарная из шансона.

Та, что многогранна и трезва, умеет понимать, не смешивает

границы с клетками, признаёт разность вкусов и не падает в обморок от чужих слов.

Та, что в смирении дружит сама с собой и поэтому никого не держит на коротком поводке.

С ней злость перестаёт быть пожаром и становится спичкой для свечи, границы – не забором, а освещённой тропой, а я – не ролью, а тем, кто идёт.

Иду – и этого достаточно.